

DK262
.R9
Ran 64, 100

Christmas no.

Рождественскій №

25 Декабря.

Цѣна 10 коп.

БУРЕЛОМЪ

Еженедѣльный литературно-сатирическій журналъ.

Редація: С.-Петербургъ, Невскі. 102. Д я л чныхъ объясненій открыта отъ 6 до 8 час. вечера.

Елка.

(Старый Годъ устроилъ елку; собрались по приглашенію гости: все знакомыя лица).

Старый Годъ (гостямъ).

Друзья мои, насталь и мой удѣлъ:
Я, Старый Годъ, иду на смарку,—
Но прежде вамъ раздать хотѣлъ
Я всѣмъ на память по подарку.
Я угодить желалъ по мѣрѣ силъ,—
Иное дамъ не безъ смущенья,—
Но если жъ вамъ я чѣмъ не угодилъ,
Прошу покорнѣйше прощенья.

Друзья мои, входите смѣло въ залъ
И веселитесь безъ умолку:
Я для гостей сегодня приказалъ
Зажечь наряднѣйшую елку...

Запасъ вина, гостинцевъ цѣлый кулъ,
Для тѣхъ, кто любить, меду кадка,
И у воротъ усиленный патруль—
На всякій случай для порядка...
Прошу всѣхъ въ очередь... Сейчасъ
Я выдамъ всѣмъ по контрамаркѣ;
Въ сосѣднемъ залѣ каждому изъ васъ
По ней вамъ выдадутъ подарки.

(Всѣ направляются въ сосѣдній залъ, идя
подъ елкой приготовлены подарки; Старый
Годъ ихъ вручаетъ)

Гр. Витте.

Вамъ, графъ, дарю такую дудку,—
И тѣмъ спасу васъ отъ бѣды,—
Чтобъ вы могли одну погудку
Играть на разные лады.

Г. Дурново.

Портретъ Стаховича дарю вамъ, Дурново,—
Я изъ Ельца его привезъ,—
Съ сердечной надписью: «для друга моего
За перепроданный овесъ».

С. С. Манухину.

Подарокъ мой быть можетъ вамъ не кстаети,—
Тогда другой его себѣ возьметъ:
Конструкции особой для печати
Новѣйшая игрушка—пулеметъ.

Г. Трепову.

Вамъ, генералъ, я панцырь дамъ,
Непроницаемый для пуль:

Стрѣляй хоть «пачками» патруль,
Не причинить вреда онъ вамъ.

Г. Побѣдоносцеву.

Дарю вамъ бюстикъ я потѣшный,—
Мнѣ нравится художника идея,—
Съ лица—печальникъ многогрѣшный,—
Съ затылка же—лицо прелюбоудѣя.

Г. Дуба.ову.

Вамъ, адмиралъ, на сушѣ трудно
И мнѣ помочь хотѣлось горю:
Вамъ я дарю такоз судно,
Въ крови чтобъ плавать, какъ по морю.

Г. Алексѣеву. (Молчаніе).

Курьеръ (почтительно).

Ужъ гдѣ я только не бывалъ,
Всю обыскалъ кругомъ столицу,—
И лишь узналъ, что адмиралъ
На судъ уѣхалъ за границу.

Старый Годъ.

А жалъ! Подарокъ я по мѣркѣ выбиралъ:
Тутъ скороходы... Пусть правительство
Ихъ отошлетъ, коль знаетъ жительство,
Гдѣ нынѣ славный нашъ и храбрый адми-
ралъ.

Г. Рожеств нскому.

Не сяду, думаю, на мель,
Считаю васъ оплотомъ,
Давъ министерскій вамъ портфель
Надъ потонувшимъ флотомъ.

Г. Небогатову.

Васъ, адмиралъ, «конфеткой» звали,
Взамѣнъ судовъ—«галюши» дали,
Взамѣнъ «спасибо»—правъ лишеніе,
Вотъ вамъ «конфетка» въ утѣшеніе.

Затѣмъ Старый Годъ съ любезной улыб-
кой обратился къ разнымъ лицамъ, робко
тѣснившимся въ дверяхъ:

Отъ знати важной до кухарки—
Всѣмъ приготовилъ я подарки...

Писателямъ.

На елку вамъ советъ дарю:
Чтобы остаться на свободѣ,
Пишите смѣло про зарю,
Но про зарю въ чужомъ народѣ...

Редакторамъ.

Вамъ подъ тюрьму дарю я цѣлый домъ.
И свой советъ практическій въ одномъ:

Чтобы въ нее не сѣлъ никто иной,
Тамъ камера должна быть именной...

Къ остальнымъ.

Потухли свѣчи... Время ко дворамъ...
Я спать хочу... Меня трясетъ...
Грядущій Новый Годъ подарки вамъ
Всѣмъ по квартирамъ разнесетъ.

В. Т—овъ.

Правительственное сообщеніе.

(Изъ Москвы за недѣлю).

Крамолы въ Москвѣ и смута
Лишь газетами раздута:
Ни въ деревнѣ, ни въ селѣ
Не слышать о крамолѣ.
Нѣтъ безчисленныхъ арестовъ,
«Бастоваль» одинъ лишь Тѣстовъ,
Клевета на москвича,
Что возсталъ онъ сгоряча.
На дорогахъ нѣтъ броженія,
Перерыва нѣтъ движенія,
Всюду ходятъ поѣзда,
Неопасна въ нихъ ѣзда.
На смерть нѣтъ у насъ убитыхъ,
Нѣтъ ни раненыхъ, ни битыхъ;
Вздоръ, что кто-то подсмотрѣлъ
Мирныхъ жителей разстрѣлъ.
Силой грозной канонады
Снесены лишь баррикады,
Пострадалъ случайно домъ,
Раненъ чирикъ былъ при томъ.
Нѣтъ усиленной охраны,
Насъ не грабятъ хулиганы,
Право, даже «подъ огнемъ»
Жизнь дешевле съ каждымъ днемъ.
Припишите вы злословью,
Что забрызганы мы кровью:
Только бравый адмиралъ
Руки кровью замаралъ.
Хоть теперь и стало строже—
Пѣть нельзя и «Святый Боже»,
Но блаженствуетъ Москва,
Золотая голова!

ФЕЛЬЕТОНЪ.

Летучій премьеръ.

(Святочная баллада).

«Будетъ съ насъ полумѣръ!»
Воскликаетъ премьеръ.
На воздушный моторъ онъ садится,
Нажимаетъ педаль
И въ волшебную даль
По морозному воздуху мчитъ.

«Какъ ты легокъ и скоръ,
Мой чудесный моторъ,
«Даже лучше портсмутскихъ моторовъ!
«Унеси-жъ меня прочь,
«На одну только ночь,
«Отъ клеветы, пререканій, раздоровъ.

«Здѣсь мнѣ отдыха нѣтъ.
«Досадилъ кабинетъ,
«Сверху, снизу терплю укоризны.
«Но настала пора,
«И найду до утра
«Я рецептъ для спасенья отчизны!

«Тридцать-и ли край,
«Или адъ, или рай,
«Гдѣ-нибудь да найдется программа.
«Такъ лети, мой моторъ,
«Въ дебри сказочныхъ горъ,
«Гдѣ священный живетъ Далай-Лама!»

Тамъ, гдѣ водится якъ,
Гдѣ монголецъ кизякъ,
Вмѣсто дровъ, по степямъ собираетъ,—
Есть старинный чертогъ,
И въ чертогъ, какъ богъ,
Далай-Лама съдой возсѣдаетъ.

Оиміамъ. Блески бронзы.
Воютъ тысячи бонзы,
Надрываясь въ молитвенномъ хорѣ...
Вдругъ—бензиномъ разить
И сквозь крышу визитъ
Имъ наноситъ премьеръ на моторѣ.

Слѣзъ. Склонился во прахъ.
Превозмогши свой страхъ,
Далай-Лама его вопрошаетъ!
— Чѣмъ могу вамъ помочь?
Вѣдь теперь уже ночь:
Что сей поздній визитъ означаетъ?

Отвѣчаетъ премьеръ:
— Вы намъ дали примѣръ
Царства мира, покоя, порядка.
Посоветуйте-жъ мнѣ,
Чтобъ въ родимой странѣ,
Какъ у васъ, стало тихо и гладко.

Далай-Лама вздохнулъ,
Головою тряхнулъ
И сказалъ: «Вы, какъ видно, въ обманѣ,
«Упустивъ за войной,
«Что порядокъ иной
«Здѣсь успѣли ввести англичане».

Слыша этотъ отвѣтъ,
Пикируетъ Тибетъ
Пилигримъ и, не вѣдая страху,
Направляетъ моторъ
Онъ на синій Босфоръ
И влетаетъ въ сераль къ падишаху.

На персидскихъ коврахъ
Возлежитъ падишахъ,
Восхищаясь плѣнительнымъ танцемъ.
Но, послушенъ и нѣмъ,
Въ мигъ одѣлся гаремъ,
И султанъ говоритъ съ иностранцемъ.

Легенда.

Тамъ, высоко, высоко на снѣжной вершинѣ—отъ вѣка обиталъ Великій Духъ.

Корона вѣчнаго, сверкающаго льда украшала его голую голову... Когда гремѣлъ по ущельямъ его грозный голосъ, тучи и вихри испуганной толпой неслись къ своему повелителю, рушились скалы, съ грохотомъ падая въ пропасти, уныло стоялъ и плакалъ вѣтеръ.

Но когда Она, ясная Матерь Свѣта, обращала къ Великому горящій взглядъ свой, и изъ глазъ ея, глубокихъ, какъ вѣчность, сіялъ яркій лучъ, согрѣвая суровыя черты Духа, озаряя холодныя скалы,—улыбался тогда Великій Духъ, отъ его улыбки таяли глыбы льда, ручьи распѣвали звонкія пѣсни, и, казалось, сами скалы улыбаются въ отвѣтъ. И звучала пѣсня Духа о силѣ, мощи, о пробужденіи спящихъ, о Ней—Вѣчномъ Свѣтѣ—пѣлъ онъ, скалы далеко разносили дивный напѣвъ; вѣтеръ, притаившись въ ущельѣ, замиралъ, прислушиваясь.

И Она, Вѣчная Матерь, зажигала огонь Мысли въ суровыхъ глазахъ Духа.

Дивное дитя родилось отъ любви ихъ: высокое чело отца и полные свѣта глаза матери.—Жизнью назвали они дитя свое.

И только лишь улыбулась Жизнь свѣтлой, дѣтской улыбкой, какъ ожили мертвыя скалы, камни покрылись веселой, смѣющейся травкой, подняли робкія головки молодыя деревца, серебромъ зазвенѣли рѣзные ручьи. Росла Жизнь. Юной, прекрасной дѣвушкой стала она. Темныя косы спускались до земли, плащомъ одѣвая ея сильныя плечи, прямо и смѣло смотрѣли ея глаза изъ-подъ черныхъ, строгихъ бровей.

Быстро бѣжали столѣтія...

Такъ же прекрасна была Жизнь, но ясные глаза ея не глядѣли уже такъ безмятежно спокойно, а глубже и пасмурнѣе стали они; мрачный огонь загорѣлся на днѣ ихъ, и падали лучи этого огня на жалкое созданье, лежавшее у ногъ Жизни,— у него былъ

грустный, робкій, полный неувѣренности, взглядъ, безпокойныя движенія звѣря...

Гнѣвомъ зажегся взоръ Великаго Духа. Но сказала Жизнь: «О, отецъ мой! пощади мое слабое дитя. Дай ему гордый всевидящій взоръ твой, дай ему мощь и силу твою!»

— «Прочь!—загремѣлъ Духъ, прочь творенье жалкое и ничтожное! Проклятье мое да будетъ надъ тобою!»

— Въ борьбѣ тяжелой, безпощадной погубишь ты свои малыя силы.

— Подлый, трусливый, злой, кровожадный, ты будешь губить тебѣ подобныхъ, не зная свѣта, стремясь къ нему, и блуждая во тьмѣ!»...

Но спокойно и твердо сказала Жизнь: «Нѣтъ, мое дитя, мое слабое, жалкое дитя, не погибнешь ты! Великіе дары ты имѣешь, и Волей перешла къ тебѣ мощь отца моего, и огонь сердца взялъ ты отъ моей матери.

Въ борьбѣ, тяжелой борьбѣ будешь проводить ты дни свои, но борьба эта закалитъ духъ твой, и, крѣпкій, могучій, какъ молодой дубъ, ты станешь мудрымъ, побѣдишь міръ, покоришь тьму и прославишь имя Человѣка!

Малой искрой горитъ свѣтъ въ твоихъ очахъ, но искра эта вспыхнетъ яркимъ пламенемъ!»

Высоко своими сильными руками подняла Жизнь дитя свое и пошла далеко, далеко, туда, гдѣ подымались безконечныя горы, синѣло вѣчное, спокойное небо... И застыли скалы... И замолкли ручьи...

Уходили въ вѣчность столѣтія... Стоны, проклятья услышалъ Духъ. Окинулъ онъ всю землю взоромъ и поникъ могучей головой...

Что увидѣлъ онъ?

Люди проклинали Жизнь, люди ползали у ногъ ея, а Жизнь гордая, мрачная вела ихъ туда, гдѣ горѣлъ яркій, вѣчный огонь...

Цѣпи одѣли на нихъ тираны, и свистъ бича слышалъ Духъ, и видѣлъ рабовъ и видѣлъ кровь, она лилась рѣкой, она звала къ небу, и звѣзды меркли въ кровавомъ туманѣ... И тогда приподнялся Вели-

кій на своей скалѣ и простеръ надъ жалкой, рабской толпой свою мощную руку.— И видѣлъ онъ, какъ выпрямились согнутыя спины, пламенемъ мести загорѣлись усталые глаза, въ дружную сильную, рать сплотились слабые дотолѣ. Местъ и Свобода ковали имъ оружіе, и они шли на битву, какъ на праздникъ, на битву съ насиліемъ, святую, великую битву!

А Жизнь вела ихъ...

Veta.

Пробужденіе.

Сердцемъ простодушные,
Пробудились мы;
Стали цѣпи душные
Намъ тѣснѣй тюрьмы.

* * *

Шелохнули крыльями
Мысли для борьбы;
Общими усилями
Мы ужъ не рабы!

* * *

Для полета страстнаго
Къ цѣлямъ дорогимъ
Нѣтъ пути опаснаго
Грезамъ молодымъ!

* * *

Что намъ дни невзгодные?
Близокъ ихъ исходъ!
Вольные, свободные,
Мы спѣшимъ впередъ.

* * *

Ширятся желанія,
Рвутся на просторъ,
Снять кошмаръ страданія,
Пытки и позоръ,—

* * *

Все, что властью дикою
Убивало въ насъ
Мощь души великую
Каждый день и часъ!

Леонидъ Афанасьевъ.

«Больно слабъ ты душой.
«Видно, не былъ пашой,
«А не то безъ нужды бы не плакалъ.
«И вопросъ-то пустой,
«И рецептъ то простой:
«Посади всѣхъ крамольниковъ на колы!»

Но, нахмуривши взоръ,
Лѣзетъ графъ на моторъ
И вздыхаетъ: «Какая досада!
«Я-бъ исполнить готовъ,
«Да не хватаетъ лѣсовъ,
«Чтобы всѣхъ посадить, кого надо!»

«Нѣтъ, мой вѣрный моторъ,
«Чѣмъ выслушивать вздоръ,
«Обѣзжая весь міръ по-пустому,
«Мы спросить бы могли
«Мудрость русской земли...
«Такъ вези же, вези къ Льву Толстому!»

Левъ на графа глядитъ,
Графу Левъ говоритъ:
«Пустяки, это все не серьезно.
«Кругъ борцовъ не великъ,
«Тихъ солдатъ, тихъ мужикъ,
«Лгутъ газетчики тенденціозно.

Шепчетъ графъ про себя:
«Вотъ, въ премьеры бѣ тебя,
«Такъ и бился ты объ стѣну лбомъ бы.
«Тутъ отставку сулятъ,
«Тамъ петлею грозятъ,
«А кругомъ—бомбы, бомбы и бомбы!»

Такъ куда же летѣтъ?
Есть святая мечеть
Посреди арабійской пустыни.
Тамъ въ гробу много лѣтъ
Провисѣлъ Магометъ
И висѣть продолжаетъ донинѣ.

Слыша рѣзкій звонокъ,
Пробудился пророкъ
И смиренному графу вѣщаетъ:
— «Тотъ правитель народъ
«За собой поведетъ,
«Кто блаженство ему обѣщаетъ»

«Обѣщай, обѣщай,
«Посули ему рай,
«Посули неземную награду,
«Тонкой лестью мани,
«Сладкой ложью пьяни,
«И погонишь покорное стадо!»

— И за гробомъ, и здѣсь
Насулилъ я чудесъ,
Но, какъ рентѣ, не вѣрятъ обѣтамъ.
Былъ твой способъ хорошъ,
А теперь стоитъ грошъ.
Такъ довольно. Ни слова объ этомъ...

Вдругъ банкиръ Мендельсонъ
Слышитъ шорохъ сквозь сонъ.
«Кто впустилъ сюда этого шельму?
«Выгнать вонъ! Выгнать вонъ!»
Такъ кричалъ Мендельсонъ—
И моторъ устремился къ Вильгельму.

«—Я, какъ мудрый адептъ,
«Дамъ вамъ вѣрный рецептъ.
«Вѣдь во всемъ виноваты туземцы?
«Вамъ бы ихъ истребить,
«А чтобъ Русь заселить,
«Матерьялъ есть отличнѣйшій—нѣмцы».

— Я стараюсь и такъ,
«Я ихъ бью, какъ собакъ,
«Да, проклятые, снова плодятся!
«Но и съ нѣмцемъ я пасъ.
«Мало-ль нѣмцевъ у насъ?
«Такъ и тѣ никуда не годятся»...

Ночью волшебною вспыхнула звѣздочка
Ярко на фонѣ лазури небесной...

— «Это родился,—промолвили мудрые,—
«Мира Спаситель—Младенецъ чудесный.»

Все вострепелось: лѣса и поля...

Радостно встрѣтила утро земля.

Ночь надъ Москвою спустилась таин-
ственно...

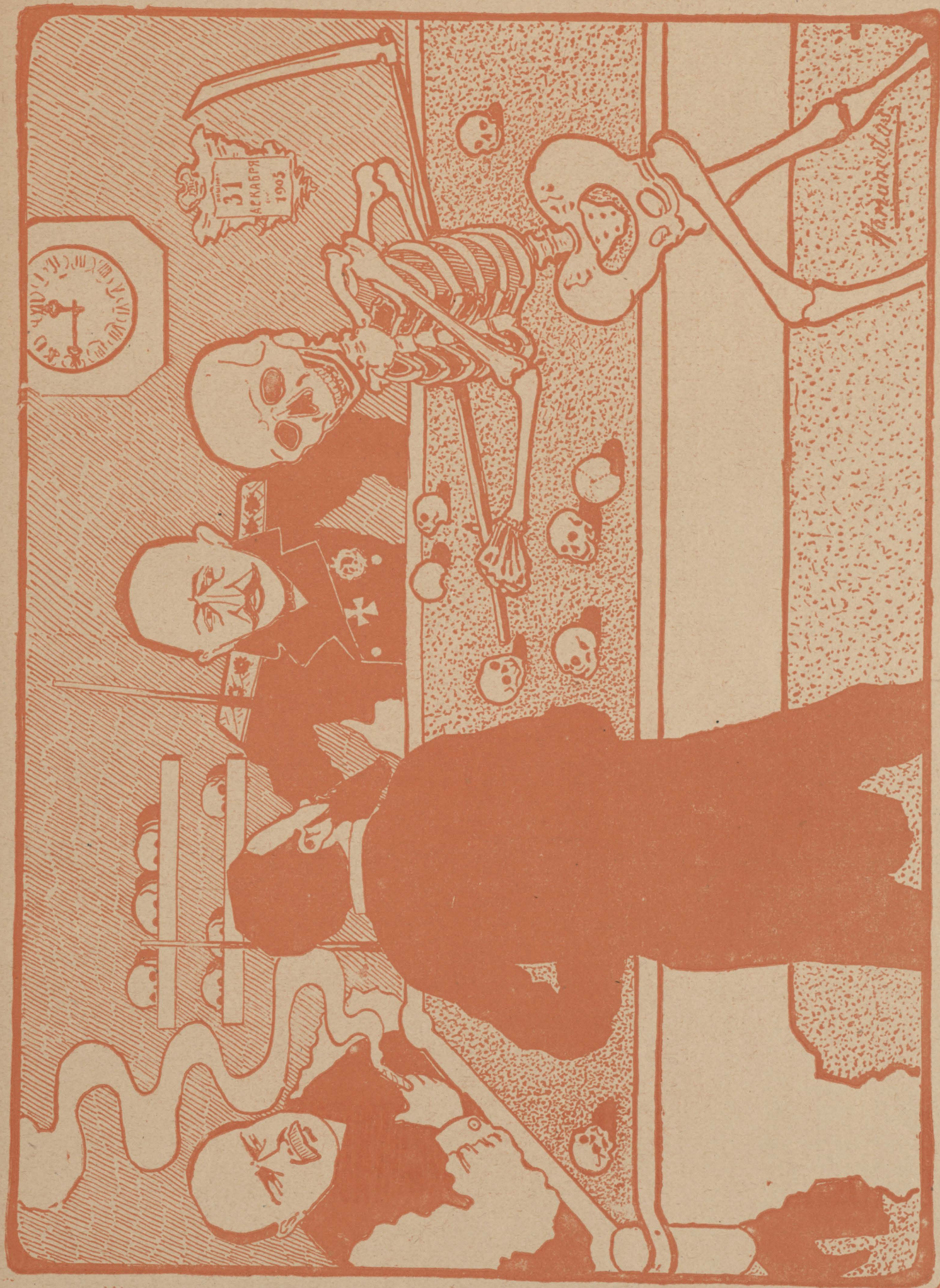
Звѣздочка смотритъ на землю съ любовью...

Видитъ въ испугѣ она: въ Бѣлокаменной
Братской забрызганы улицы кровью...

Дрогнули стѣны святого Кремля...

Стонетъ и плачетъ отъ крови земля!

В. Трофимовъ.

Я взял шаровъ двѣнадцать сразу,—
Еще бы два шара!
Готова я поставить мазу,
Что это шуллера!

Дубасовъ:
4-й агрокъ:

Саваловъ: Я проиграю неирейбно:
Не вижу даже лужъ...
Витте: Возьму дуплетомъ несомнѣнно;
Мнѣ нуженъ только тузъ!

Судъ Божій надъ губернаторомъ.

(По Жуковскому).

Были и лѣто и осень дождливы,
Были потоплены пажити, нивы;
Хлѣбъ на поляхъ не созрѣлъ и пропалъ,
Голодъ насталъ и народъ умиралъ.

Жилъ лишь въ довольствѣ одинъ губерна-
торъ,

Звали въ народѣ его „Узурпаторъ“;
Жито сберегъ прошлогоднее онъ;—
Много свозили ему на поклонъ...

Рвутся толпою голодной и нищей
Въ дверь губернатора, требуя пищи;
Вопли доносятся съ разныхъ сторонъ...
Что губернатору нищаго стонъ?!

Слушать стенанье ему надоѣло...
Вотъ онъ рѣшился на страшное дѣло...
Вѣсть изъ избы полетѣла къ избѣ:
Всѣхъ губернаторъ сзываетъ къ себѣ!

— «Дожили мы до неожиданнаго чуда:
«Вынувши хлѣба запасъ изъ-подъ спуда,
«Бѣдныхъ къ себѣ губернаторъ зоветъ!»
— Такъ говсрилъ изумленный народъ.

Къ сроку собрались званные гости,
Блѣдные, чахлые,—кожа да кости...
Всѣ притащились, кто двигаться могъ...
— «Дай губернатору счастья Богъ!»

Ждутъ—не дождутся: авось изъ сарая
Хлѣба дадутъ для голоднаго края...
Отданъ приказъ: изъ амбарныхъ воротъ
Бросилась рота солдатъ на народъ.

Всѣхъ перебить приказалъ губернаторъ...
— „Я лишь въ отвѣтъ,—сказалъ Узурпа-
торъ,—

«Разомъ избавлю я шуткой моей
Край нашъ отъ нищихъ голодныхъ людей».

Всѣ перебиты!.. Къ себѣ возвратился
Онъ утомленный. Пилъ, ѣлъ, веселился,

Какъ, ужъ близокъ разсвѣтъ?
Не смиряюсь я, нѣтъ!
Но не въ царствѣ лукавой культуры,—
Сердце я облегчу
И совѣтъ получу—
У дѣтей первобытной натуры.

Океанъ голубой...
Тихо плещетъ прибой,
Чудный островъ изъ алыхъ коралловъ
И на немъ, у костра,
Два англійскихъ ребра
Жарить съ лукомъ семья каннибаловъ.

— Здравствуй, бѣлый нашъ братъ
Каннибалъ тебѣ радъ!
Ты въ летаньи, какъ видно, искусенъ.
Но на опытный взглядъ
Ты, голубчикъ, наврядъ
Оказался бѣ особенно вкусенъ.

Мы тебя не съѣдимъ,
Но совѣтъ мы дадимъ,
Если хочешь разсудка послушать.
Вѣрный способъ таковъ:
Не расходуя словъ,
Всѣхъ враговъ этихъ попросту скушать.

Спалъ, какъ невинный, и сновъ не видалъ...
Правда, что болѣ съ тѣхъ поръ онъ не
спалъ!

Гдѣ бы онъ ни былъ, въ ухахъ все гремѣло:
— «Богъ на тебя за кровавое дѣло!
«Крѣпокъ хотя губернаторскій домъ,
«Хоть пулеметы разставишь кругомъ,

«Стѣны ограды пусть будутъ изъ стали,
«Только отъ насъ ты спасешься едва-ли:
«Стави чугунныя, каменный сводъ,—
«Все-же намъ тайный огыщется входъ!»

Совѣсти муки!.. Куда-жъ пріютиться?!
Въ страхѣ, зажмуривъ глаза, онъ ложится...
Вдругъ онъ испуганъ стенаньемъ глухимъ:
Кто-то рыдаетъ и стонетъ надъ нимъ..

Поднялъ глаза... Въ разстояніи близкомъ—
Женщины, дѣти со смѣхомъ и пискомъ
Лѣзутъ къ нему, чтобъ въ объятіяхъ сжать...
— «Страшно, мнѣ страшно! я долженъ бѣ-
жаты!»

Смѣхъ по угламъ раздается Іуды...
Выхода нѣту!.. Кровавыя груды
Труповъ разбитыхъ закрыли всю дверь!..
Жметъ онъ въ уголъ, какъ раненый
звѣрь...

Призраки ближе... Ужъ блѣдныя губы
Шепчутъ: «Ты нашъ»!.. И голодные зубы
Въ горло впились ему

На зарѣ
Трупъ охладѣвшій лежалъ на коврѣ.

В. В. Тр—овъ.

Солдатская пѣсня.

Развеселую, братцы, вамъ пѣсню спою,
Веселѣ той пѣсни побѣды,
Что пѣвали отцы въ Бородинскомъ бою,
Что пѣвали въ Очаковѣ дѣды!

— Съѣсть полсотни газетъ,
Сто союзовъ, «кадетъ»,
Проглотить демократовъ—не шутка.
Я бы съѣлъ—да боюсь,
Ну, какъ вдругъ подавлюсь
Иль схвачу несваренье желудка?

— Значить, выхода нѣтъ?
Хоть бы чертъ далъ совѣтъ!
Графъ воскликнулъ въ тоскѣ безысходной.
Только молвить успѣлъ,
Вдругъ моторъ загремѣлъ
И премьеръ въ—глубинѣ преисподней.

Адъ огнями сіялъ,
Сатана правилъ балъ,
Завывая точь въ точь какъ Шаляпинъ.
Грѣшный Плеве въ огнѣ
Подпѣвалъ сатанѣ
И визитъ былъ какъ бомба внезапнѣ.

— «Это кто? Вотъ-тена!»,
Говоритъ сатана,
«Ты, пріятель, откуда же взялся?
«Подцѣпила-ль тебя
«Инфлуэнца, любя,
«Или добрый «эсеръ» постарался?»

Я спою вамъ о томъ, какъ съдой адмиралъ,
Боевою невѣнчанной славой,
Знаменитой побѣдой себя увѣнчалъ,—
Разрушенемъ Москвы златоглавой!
Я спою вамъ, какъ воинства смѣлая рать,
Утѣшене и гордость народа,
Въ безоружныхъ согражданъ училась стрѣ-
лять,

Чтобъ храбрѣй быть на случай похода.
Я спою вамъ, какъ гибли народа сыны
Не въ манчжурскихъ степяхъ, среди боя,
Не въ безумномъ разгулѣ японской войны,
А... подъ пулей жандарма-героя.
Я спою объ атакѣ лихой баррикадъ,
Кровью дерзкихъ людей обагренныхъ,
О дѣянїяхъ славныхъ россійскихъ солдатъ,
Чашей доброй вина вдохновенныхъ...
О немеркнувшей славѣ воинственныхъ дней,
О раскатахъ побѣднаго рева,
О стенанїяхъ храбро избитыхъ дѣтей,—
Безъ родителей, пищи и крова...
Пусть не весела пѣсня, что вамъ я пою,
Да почище той пѣсни побѣды,
Что пѣвали отцы въ Бородинскомъ бою,
Что пѣвали въ Очаковѣ дѣды?

Вилли.

Встрѣча

(двухъ редакторовъ на Шпалерной улицѣ)

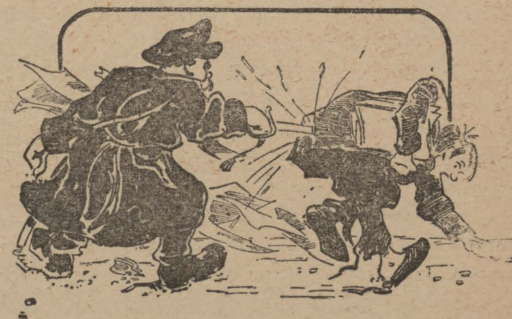
— «А! вы еще туда?»
— «А вы уже оттуда?»
— «Отпущенъ до суда.»
— «Я посижу покуда!»
— «Я внесъ уже залогъ!»
— «Мнѣ, думаю, найдется!»
— «Съ трудомъ пять тысячъ могъ!»
— «Ужель и мнѣ придется?!»
— «Прсщайте! До суда!»
— «А не свершится чуда?!»
— «Бѣдняга! Вы туда!!»
— «Счастливцевъ! Вы оттуда!»

Т.

— «Нѣтъ, не злою судьбой
«Я встрѣчаюсь съ тобой,
«Но на свѣтѣ одна лишь досада,
«И теперь я къ тебѣ
«Обращаюсь въ мольбѣ:
«Не гони меня, отче, изъ ада!»

— «Какъ же будетъ страна?»
Возразилъ сатана,
«Не лѣнись, отправляйся, любезный.
«Ты сюда попадешь,
«Но, покуда живешь,
«Наверху ты мнѣ много полезенъ!»

Квакъ.

О чемъ можно писать.

Нельзя писать: о бюрократѣ,
Объ офицерствѣ, о солдатѣ,
О забастовкѣ, о движеніи,
О духовенствѣ, о броженіи,
О мужикѣ, о министерствѣ,
О казни, о казачьемъ звѣрствѣ,
О полицейскихъ, объ арестахъ,
О грабежахъ, о манифестахъ!
Но остальное все—печать
Должна сурово обличать!
Когда-жъ напишешь—просмотри
«128» и «103»...

...овѣ.

Сонъ.

(Quasi una символика)

Ночью минувшей, объятый молчаньемъ
и мракомъ,—мракомъ царившимъ вокругъ
и въ душѣ, я тѣсно боролся съ тяжелой
дремой, а ночь наклонялась все ниже и
ниже къ моему изголовью,—мнѣ міръ сно-
видѣній и грёзъ раскрывая...

Мнѣ снилось весеннее, ясное утро. Лугъ
изумрудный, пестрѣвшій цвѣтами, дышалъ
ароматомъ и пчелокъ махровыхъ и бабочекъ
пестрыхъ крылатые рои, то внизъ опускаясь,
то кверху взлетая, рѣяли тихо, съ цвѣтовъ
и со злаковъ меда душистаго дань собирая...
И солнце съ лазурнаго неба сіяло, свѣтъ и
тепло по землѣ разливая...

Съ выси небесной надъ лугомъ зеле-
нымъ ласточки вешняя пѣснь зазвучала.
Чистую, звонкую эту пѣснь призывную услы-
халъ мотылекъ бѣлокрылый. Быстро сор-
вавшись съ цвѣтка лугового, кверху взлетѣлъ
мотылекъ и, полонъ восторга, сталъ гово-
рить мотылькамъ, увлеченнымъ работой:

— О, если-бъ вы знали, какъ міръ здѣсь
великъ и прекрасенъ! Какъ много простора
и свѣта вокругъ! Здѣсь воздухъ прозра-
ченъ и чистъ и солнца лучи свѣтятъ ярче
и грѣютъ теплѣе!..

— Вернись!—долетало съ земли:—опас-
но летать такъ высоко! И есть ли на той
высотѣ лучезарной тотъ медъ ароматный,
который мы здѣсь собираемъ съ цвѣтовъ
луговыхъ?!

Но онъ не вернулся... Все выше зву-
чала призывная звонкая пѣснь и выше и
выше летѣлъ мотылекъ... Онъ сталъ уста-
вать, и крылья его ослабѣли, но голосъ
призывный звучалъ еще звонче и звалъ и
манилъ за собой мотылька.

И онъ подымался все выше и выше. Но
вдругъ онъ застылъ на мгновенье и быстро
сталъ внизъ опускаться. Подхваченный вѣ-
тромъ, онъ падалъ снѣжинкѣ подобно, пока
не упалъ на дорогу.

Безсильный лежалъ мотылекъ на ши-
рокой дорогѣ и, въ ѣдкой пыли задыхаясь,
внималъ онъ той пѣснѣ свободной и звон-
кой, что гдѣ-то высоко теперь раздавалась
въ сіяньи лазурнаго неба.

Вдругъ гдѣ то вдали послышался гро-
хотъ зловѣщій. Все ближе и ближе, грознѣе
и громче и быстро, звеня и гремя, промча-
лась тѣлѣга, цѣлое облако пыли поднявъ
за собой.

Придавленный конскимъ копытомъ не-
движно лежалъ мотылекъ бѣлокрылый. Из-
мятыя крылышки дрогнули слабо и... жизнь
мотылька отлетѣла..

А вокругъ все цвѣло и блистало кра-

сою весенняго утра. И лугъ изумрудный,
пестрѣвшій цвѣтами, дышалъ ароматомъ.
И бабочекъ пестрыхъ и пчелокъ мохнатыхъ
крылатые рои, то кверху взлетая, то внизъ
опускаясь, рѣяли тихо, съ цвѣтовъ и со
злаковъ меда душистаго дань собирая...

И солнце съ лазурнаго неба сіяло,
свѣтъ и тепло по землѣ разливая.

Г. Эрастовъ.

Разсказъ воздухоплавателя.

...Взлетѣли сразу подъ самую небеса.
И вдругъ, начинается шаръ падать. Бы-
стрѣй и быстрѣй падаетъ.

Говорю Петру Петровичу: „Бросай, братъ,
балластъ“.

Выбросили мѣшокъ, другой... Весь бал-
ластъ выбросили...

А шаръ все падаетъ!

Якорь отрѣзали, выбросили..

Падаетъ, да и только.

Термометръ выбросили, барометръ вы-
бросили, водку выпили—бутылку выбро-
сили...

Падаетъ...

Разулись, башмаки выбросили. Кошку,—
для опытовъ была взята кошка—выбросили.

Все быстрѣй падаетъ!

Отрѣзали корзину, ухватились за сѣтку,
висимъ.

И что же, въ концѣ концовъ, оказалось?
Дернула нелегкая Петра Петровича бумаж-
ныхъ захватить! А въ немъ три билета че-
тырехпроцентной государственной ренты!..
Кв.

* * *

Залита кровью Русь святая

Ужъ не одинъ десятокъ лѣтъ,

Изъ края въ край, все нарастая,

Въ народѣ стонъ глухой идетъ...

Народъ стоналъ, когда степями,

Съ тоской въ измученной груди,

Бряцая тихо кандалами,

Брели въ Сибирь его вожди.

Народъ стоналъ, когда по селамъ,

Глумясь надъ честью поселянъ,

Съ нешаднымъ сѣкли произволомъ

Плетьми и розгами крестьянъ...

Когда лежали предъ толпою

Тѣла истерзанныхъ людей,

И кровь багровая струею

Текла съ оборванныхъ плетей...

И въ городахъ, когда, бывало,

Въ народѣ врывались казаки,

Толпа лишь стономъ отвѣчала

На плети, сабли и штыки...

Да, стонъ все росъ и вопль народный!

Онъ бурей сталъ, онъ сталъ грозой

И дышетъ местью роковой...

Теперь ужъ никакая сила

Не заглушитъ народный гласъ!

Онъ роетъ «братекую» могилу,

И воли близокъ, близокъ часъ!..

Народъ взялся за топоры...

И по Руси, вопя о мщеніи,

Взвились огромные костры!

Дымится край... Москва, Варшава?

Насквозь въ крови напоена,

Огню Одесса предана...

.....

Въ альбомѣ.

Г. П. Эрастову.

(По Горькому...)

Мѣсяцъ всходитъ и заходитъ,
Но въ душѣ моей темно:
Чтобъ явиться по повѣсткѣ—
Сроку день всего дано...

* * *

Тяжко мнѣ,—и слезы душатъ...
Передъ вами не солгу,—
Что залога за «свободу».
Я представить не могу...

* * *

Написать могу-жъ такое,—
Сбившись съ праваго пути,
Что статью среди законовъ
Будетъ трудно вамъ найти...

В. Трофимовъ.

Подражаніе Гете.

(По Жуковскому).

Я знаю край,—тамъ нѣгой дышетъ лѣсъ,
Златой лимонъ горитъ во мглѣ небесъ,
И вѣтерокъ жаръ неба холодитъ,
И тихо миртъ, и гордо лавръ стоитъ...
Тамъ счастье, другъ! Туда! Туда!
Мечта зоветъ! Тамъ сердцемъ я всегда!

* * *

Я знаю край,—гдѣ царствуетъ свобода...
Не льется кровь тамъ бѣднаго народа...
Даны тамъ всѣмъ разумные законы,
На свой народъ не тратятъ тамъ патроны...
Тамъ счастье, другъ! Туда! Туда!
Мечта зоветъ! Но быть ли тамъ когда?

В. Тр—овъ.

Почтовый ящикъ.

Подписчику № 40 021. Нѣтъ, еще не уѣхалъ!
Усердному поручику. Бываютъ разныя. Мо-
жете получить производство въ слѣдующій чинъ
и даже дослужиться до флигель-адъютанта.

Подписчику № 666. Въ такомъ случаѣ потре-
буйте семизарядный, автоматическій, Браунингъ.
Почтовому чиновнику. Сѣроводородъ полу-
чается при дѣйствіи сѣрной кислоты на сѣрнистое
желѣзо. Реакція (просятъ не смѣшивать) бурная.
Обращайтесь съ осторожностью, такъ какъ этотъ
газъ отличается въ высшей степени бюрократи-
ческимъ запахомъ.

Нуждующемуся бюрократу: И лѣсъ—хорошо,
и овесъ—недурно. Многое зависитъ отъ чина.

№ 1234: Да, и въ Θεодосіи былъ.

№ 2345: Да, и въ Ярославлѣ былъ.

№ 3456: Да, и въ Костромѣ былъ.

№ 4567: Да, и въ Архангельскѣ былъ.

№ 5678: Да, и въ Кременчугѣ былъ.

№ 22, 222, 55555, 77777 и т. д. Да, да, вездѣ
были.

Неопытному «бойцу». 1) Въ случаѣ сомнѣнія,
пользуйтесь формулой: безъ различія пола, воз-
раста, вѣроисповѣданія. 2) Оттого, что у дѣтей
кости черепа гораздо мягче.

Хозяинъ: Конечно, дешевле будетъ склеить
рентой.

Къ свѣдѣнію авторовъ

1) Рисунки и карикатуры желательны не въ
законченномъ видѣ, а въ эскизахъ, для совме-
стнаго обсужденія ихъ съ редакціей, которая со сво-
ей стороны можетъ предложить свои темы.

2) Лучшее исполненіе предложенной редакціей
темы, будетъ премировано.

3) Рукописи должны быть, помимо псевдонимовъ,
снабжены фамиліей и адресомъ автора.

4) Для личныхъ переговоровъ и обсужденія
темъ, редакторъ принимаетъ по Понедѣльникамъ
и Средамъ отъ 6 до 8 ч. веч. въ помѣщеніи
редакціи (Невскій 102).

Къ читателямъ.

1) Редакция намѣрена откликаться на всѣ выдающіяся явленія текущей жизни и на страницахъ журнала отмѣчать перомъ и карандашемъ всѣ тѣ факты общественной жизни, которые такъ или иначе могутъ явиться „знаменіемъ времени“.

2) Редакция *приглашаетъ* читателей сообщать подобные факты, не стѣсняясь формой изложенія. Всякое сообщеніе, содержащее общественный интересъ, будетъ принято съ признательностью и использовано.

3) Могутъ быть прилагаемы фотографическіе портреты, которые, по минованіи надобности, будутъ возвращены доставившему.

4) Корреспонденція должна быть адресована на имя редактора-издателя.

Редакторъ-Издатель Г. П. ЭРАСТОВЪ

Открыта подписка на 1906 годъ
на еженедѣльный литературно-сатирическій журналъ

„БУРЕЛОМЪ“

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ВЪ СПБ. БЕЗЪ ДОСТАВКИ

въ годъ **3** рубля | съ доставкой и пересылкой во всѣ города Рос. Имперіи **5** рублей | $\frac{1}{2}$ года **3** рубля.

Журналъ выходитъ еженедѣльно не менѣе 8 страницъ большого альбомнаго формата, печатается на плотной бумагѣ. Въ каждомъ № помѣщается не менѣе 6 рисунковъ на политическія и общественныя злобы дня.

Для ознакомленія высылается одинъ изъ номеровъ журнала за двѣ семикопеечныя марки. Цѣна отдѣльнаго № 10 коп.

Первый № вышелъ 18 Декабря.

Подписка принимается въ конторѣ журнала Спб., Невскій 112.

Редакторъ-издатель Г. П. Эрастовъ.

№ 3.

Воскресенье, 1 Января.

Цѣна 10 коп.

DK26-2
.P9
Rare Book Room

БУРЕЛОМЪ

Еженедѣльный литературно-сатирический журналъ.

Реданція: СПБ. Николаевская, 2. Для личныхъ объясненій открыта отъ 6 до 8 ч. веч. Контора Невскій 112.

1906-й годъ.

* * *

Что дать намъ Новый Годъ? Въ крова-
вомъ одѣяньи?
Подъ вѣчности покровъ уходитъ старый
годъ,
И полонъ весь тоски, тревоги и стра-
данья
Прощается съ нимъ нашъ замученный на-
родъ...

* * *

Уходитъ старый годъ... Уходитъ годъ му-
ченья
Годъ радостныхъ надеждъ, забрызганныхъ
въ крови...
О, дать ли Новый Годъ отъ избав-
ленья?
Онъ принесетъ ли свѣтъ свободы и любви?

Илья Б.

ФЕЛЬЕТОНЪ.

Старый годъ.

(Монологъ).

Пр чь вынужденъ сойти съ пути я:
Уже стучится Новый годъ...
Прощай, несчастная Россія,
Прощай, измученный народъ...
Меня Россія проклинаятъ:
Принеси я—горе, недородъ,
Несчастій бездну... Пусть узнаетъ
Всю правду страждущій народъ...

Въ Россіи съ нѣжною любовью
Я создавалъ переворотъ...
Забрызганъ весь ты братской кровью,
Мой изстрадавшійся народъ!
Я вель тебя чрезъ горы, степи—
Къ завоеванію свободъ...
Ты понялъ все... Упали цѣпи...
Вздохнулъ раскованный народъ...
Цѣною жертвъ неисчислимыхъ,
Какъ побѣдитель, шелъ впередъ;
На смерть дѣтей своихъ любимыхъ
Ты несъ сознательно, народъ...
Безъ жертвъ немислимы побѣды...
Пойдетъ теперь изъ рода въ родъ,
Что за свободу—горе, бѣды—
Пускай еще несетъ народъ,
Но говорю я убѣжденный,
Что близокъ тотъ желанный Годъ,
Когда, никѣмъ не побѣжденный,
Ты успокоишься, народъ!!.

(ТСУ)

Говорятъ...

Говорятъ, что теперь губернаторъ
По губерніи лишь провокаторъ,
Будто онъ не боится отвѣта?..
Правда-ли это?

* * *

Говорятъ, что небесные громы
Учиняютъ въ Россіи погромы...
Что поглотить виновниковъ Лета...
Правда-ли это?

* * *

Говорятъ, что получить прибавку
Дурново, если выйдетъ въ отставку...
То желаніе цѣлаго свѣта...
Правда-ли это?

* * *

Говорятъ, что рѣшили народу
Продавать лишь за деньги свободу,
Что составлена будто бы смѣта?..
Правда-ли это?

* * *

Собираются мрачныя черныя тучи...
За волною волна низвергается съ кручи,
Налѣтаетъ, дробится на тысячи слезъ
Объ утѣсь!

* * *

Безпощадна борьба... И теряемъ мы силы...
И растутъ за могилой святыя могилы...
И все ниже спускаемся каждый мы день
На ступень..

Концертъ.

Музыкальная шутка.

Дѣйствующія лица—*все министры и при-
ставъ.*

Мѣсто дѣйствія—*Обновленная Россія.*
Время дѣйствія—*Новый годъ.*

Гр. Витте (размахивая дирижерской палоч-
кой, обращается ко всемъ).

Господа! Важное, даже очень важное,
обстоятельство! Какъ вы, вѣроятно, знаете
изъ газетъ, сегодня наступилъ Новый
годъ... Нашъ великосвѣтскій любительскій
оркестръ въ теченіе прошлаго года, нельзя
сказать, чтобы пользовался выдающимся
успѣхомъ: въ немъ не было стройности,
такъ сказать, взаимнаго пониманія другъ
друга... Каждый, какъ прекрасный музы-
кантъ, въ отдѣльности великолѣпно испол-
нялъ свою партію,—но не было общаго тона...

Отчасти виной тому бывали побочныя
обстоятельства: нѣкоторые выбывали изъ
оркестра, на смѣну имъ являлись другіе
музыканты съ новыми инструментами, съ
новыми партіями; дѣлать релетиции мы не
имѣли времени... Теперь, собравшись все
вмѣстѣ въ Обновленной Россіи, мы должны
условиться, что и въ какомъ тонѣ мы бу-
демъ разыгрывать въ предстоящемъ году...
Каждый изъ насъ твердо знаетъ свою пар-
тію... Въ моей дирижерской опытности ни-
кто сомнѣваться не можетъ: за гастроль-
ный заграничный концертъ, на которомъ я

Правительственное сообщеніе.

(За недѣлю.)

На Россію, слава Богу,
Миръ слетаетъ понемногу:
Гдѣ ни взглянешь,—тишь да гладь,
Всюду Божья благодать...

Мѣры приняты: нѣтъ нынѣ
Революціи въ поминѣ;
Вся подавлена мечемъ...
Намъ была она бичемъ...

По особому приказу
Убиваютъ, но не съ разу...
Вотъ Люберцы, напримѣръ:
Здѣсь крутыхъ не взяли мѣръ,

Къ подавленію безпорядковъ...
Разстрѣливавъ лишь шесть десятковъ,
Подаль жалости примѣръ
Штабъ иль оберъ-сфицеръ...

Пишутъ вздоръ, что мертвыхъ груды
По Москвѣ найдешь повсюду...
Клевета и, въ томъ на власть,
Что умершихъ негдѣ класть...

Рѣже сталъ изъ подворотни
Подвигъ бравый черной сотни...
Своры пьяной хулиганъ
Не берется для охранѣ...

Втихомолку и безъ шума
Соберется скоро Дума:
Шагъ рѣшительный такой
Принесетъ съ собой покой...

Вѣтъ миромъ, тишиною
Надъ измученной страной,—
Наступившій Новый годъ
Успокоитъ весь народъ...

дирижировалъ интернаціональнымъ орке-
стромъ въ Портсмутѣ, я удостоенъ даже
графской короны...

Итакъ, господа, приступимъ! Настройте
ваши инструменты! Возьмемъ съ мѣста
fortissimo! Слѣдуйте за моей палочкой...
«Пѣсня о свободѣ»... Разъ... Два... Три...
(Оркестръ играетъ, гр. Витте увлекается).

Оркестръ

Возьмемся за старое снова!
Не надо свободнаго слова!
Не надо свободныхъ собраній
И тайныхъ всеобщихъ избраній!
Намъ старый пріятель режимъ!

Гр. Витте.

На этомъ сильнѣе нажимъ!
Барабанъ.

Бумъ!

Оркестръ.

Скажемъ смѣло безъ утайки,
Что нужны штыки, нагайки,
Будутъ тюрьмы, пулеметъ,—
И свободу всякъ пойметъ...
За реакцію намъ нужно...

Гр. Витте

Подтянитесь! Forte! Дружно!
Барабанъ.

Бумъ

Квинтетъ (быстро).

Для чего же пять свободъ,
Коль министры за народъ!

Кларнетъ (solo).

Надежда и оплотъ
Солдатъ у насъ...

Колыбельная пѣсня.

(Сочиненіе высокопоставленнаго анонимнаго автора).

Спи, голодная Россія,
Баюшки баю!

Сторожать штыки стальные
Волюшку твою.
Стану я писать доклады,
Манифестъ скрою,
Ты-жъ дремли, моя отрада,
Баюшки баю!

Ты, я знаю, будетъ время,
Проклянешь житье,
Ты захочешь сбросить бремя
И возьмешь ружье.
Я разставлю пулеметы,
Кровью все залью...
Спи, Россія, безъ заботы,
Баюшки баю,

Ты спокойна будешь съ виду,
Счастлива во снѣ,
Я тогда на биржу выйду—
Займъ удастся мнѣ.
Чтобъ не грезилась свобода,
Мѣры я приму:
Для мятежнаго народа
Выстрою тюрьму.
Заведу я эшафоты,
Въ цѣпи закую,
Спи, Россія, безъ заботы,
Баюшки баю!

Сообщилъ Симищъ.

Пѣсня чайкѣ

«Буря... скоро грянетъ буря!»

(М. Горькій).

Бѣлая чайки надъ моремъ.
Стоны ихъ слышны глухіе:
«Голосу мощному вторимъ,
«Море, родная стихія!
«Съ бѣлою пѣной морскою,
«Бѣлая крылья сплетая,
«Пѣсню призывную: «къ бою!»
«Въ небо несемъ, улетаю;
«Вѣтеръ, внимая, свободный
«Тучи разноситъ нѣмыя.
«Мракъ разгоняетъ холодный...
«Волны! мы ваши, родныя!»

* * *

Замокъ межъ небомъ и моремъ,
Въ дымкѣ ночного тумана...
Въ каменный гробъ замурованъ,
Узникъ рукою тирана...
Давятъ могучія плечи
Хмурые, злобные своды...
Вольной бы птицей—на волю,
Смѣло, какъ въ прежніе годы!..
— Руки желѣзнымъ пожатыемъ
Крѣпко оковы сжимаютъ.
— Мысли, какъ море свободны,
Гордую душу сжигаютъ!

* * *

Мечутся чайки надъ моремъ,
Выше, все выше взлетая,
Кличъ ихъ побѣдный несется,
Дальнимъ аккордомъ рыдая...
Ближе и ближе... слышнѣе:
«Къ небу, на волю, за нами!»
Слышитъ онъ пѣсню свободы,
Грозно гремитъ кандалами!

* * *

Рѣютъ надъ моремъ суровымъ
Снѣжныя, бѣлыя крылья...
Гнѣвнымъ ударомъ разбиты
Въ буйномъ, послѣднемъ усилии
Ржавыя пали оковы,
Гнется рѣшетка темницы!
«Съ вами, свободныя волны,
«Къ вамъ бѣлоснѣжныя птицы!»

Выше вздымаются волны,
Мертвые камни рвутъ смѣло...
Тамъ, гдѣ былъ замокъ угрюмый,
Море побѣдно шумѣло!

Veta.

Старый годъ.

Скрываясь въ глубь безвѣстной темной дали,
Уходитъ онъ—тяжелый старый годъ,
Согнувшійся подъ бременемъ печали,
Подъ ношею страданій и невзгодъ.

Уходитъ онъ, чуть шевеля ногами
Истерзанный ударами плетей,
Обрызганный застывшими мозгами
Погибшихъ женъ и старцевъ и дѣтей.

Багровый слѣдъ за нимъ широко вѣется—
Дымится край удушливой костра,
Потоками кровь молодая льется
И сталь звенитъ, упруга и остра.

Что мигъ, что шагъ, пугливо выростая,
Чернѣетъ холмъ разрушнныхъ костей
И коршуновъ надъ нимъ кружится стая,
Какъ шумный сонмъ ликующихъ частей.

А стонъ кругомъ—безумный ропотъ моря,
И громъ небесъ полуднемъ грознымъ,
И ураганъ съ гигантомъ-лѣсомъ споря—
Ничто предъ нимъ, предъ стономъ роковымъ

Уходитъ онъ, угрюмъ, какъ непогода,
Взоръ потускнѣлъ и неуверенъ шагъ,
Но новымъ днѣмъ смѣняющаго года
Онъ съ вѣрою вручаетъ красный стягъ.

И. Гурвичъ.

Барабанъ (сильно). И флотъ!
Кларнетъ.

Отучить онъ народъ
Отъ всѣхъ пяти свободъ!

Барабанъ (сильно).

Бумъ!

Гр. Витте.

Потише, барабанъ!

Оркестръ—не кегельбанъ!

Еще немного въ этомъ родѣ

И пѣснь закончимъ о свободѣ!

(играютъ; въ дверяхъ появляются казаки,
драгуны, полиція всѣхъ родовъ оружія).

(Оркестръ смолкаетъ).

Приставъ.

Простите! Я обезпокоилъ васъ,
Но я строжайшій получилъ приказъ
Не допускать собраній...

(Всѣ протестуютъ).

Къ чему протестъ?!

Гр. Витте (смущенно).

Конечно... да... А какъ же манифестъ?

Приставъ.

Въ чинахъ моихъ имѣть сужденіе

Одно лишь только заблужденіе!

(Казаки вынимаютъ нагайки).

Оркестръ (въ униссонъ).

Оставьте, графъ... Къ чему намъ спорить?!

Гр. Витте.

Для начала ничего!

Ваше solo, Дурново!

Флейта.

Я стремленіе къ свободѣ

Заглушу въ своемъ народѣ!

Пули, ядра и винтовки

Не боятся забастовки...

Съ неразумнаго народа
Кровью смоемся свобода!
Кровь пусть ляжетъ на меня!

Гр. Витте

Больше чувства и огня!

Барабанъ.

Бумъ!

Гр. Витте (громко).

Сейчасъ квинтетъ!

Потомъ дуэтъ!

Квинтетъ (протяжно).

Для чего пять свободъ,

Если мы за народъ!

Если станемъ работать мы стройно,

Пусть онъ спитъ совершенно спокойно!

Фаготъ (solo).

Я въ Европѣ успѣхъ приготавлию!

Шиколо (solo).

Я расширю обмѣнъ и торговлю!

Скрипка (solo).

Я устрою пути сообщенія!

Контрабасъ (solo).

Я отдамся дѣламъ просвѣщенія!

Тромбонъ (solo).

Я займуся-устройствомъ финансовъ!

Гр. Витте.

Здѣсь, прошу васъ, побольше нюансовъ!

Другъ другу мы умѣемъ вторить!

Упущенъ ими главный былъ моментъ:

Сыгрались мы... Берите инструментъ

(Всѣ собираютъ свои партіи и расходятся).

Барабанъ.

Бумъ!

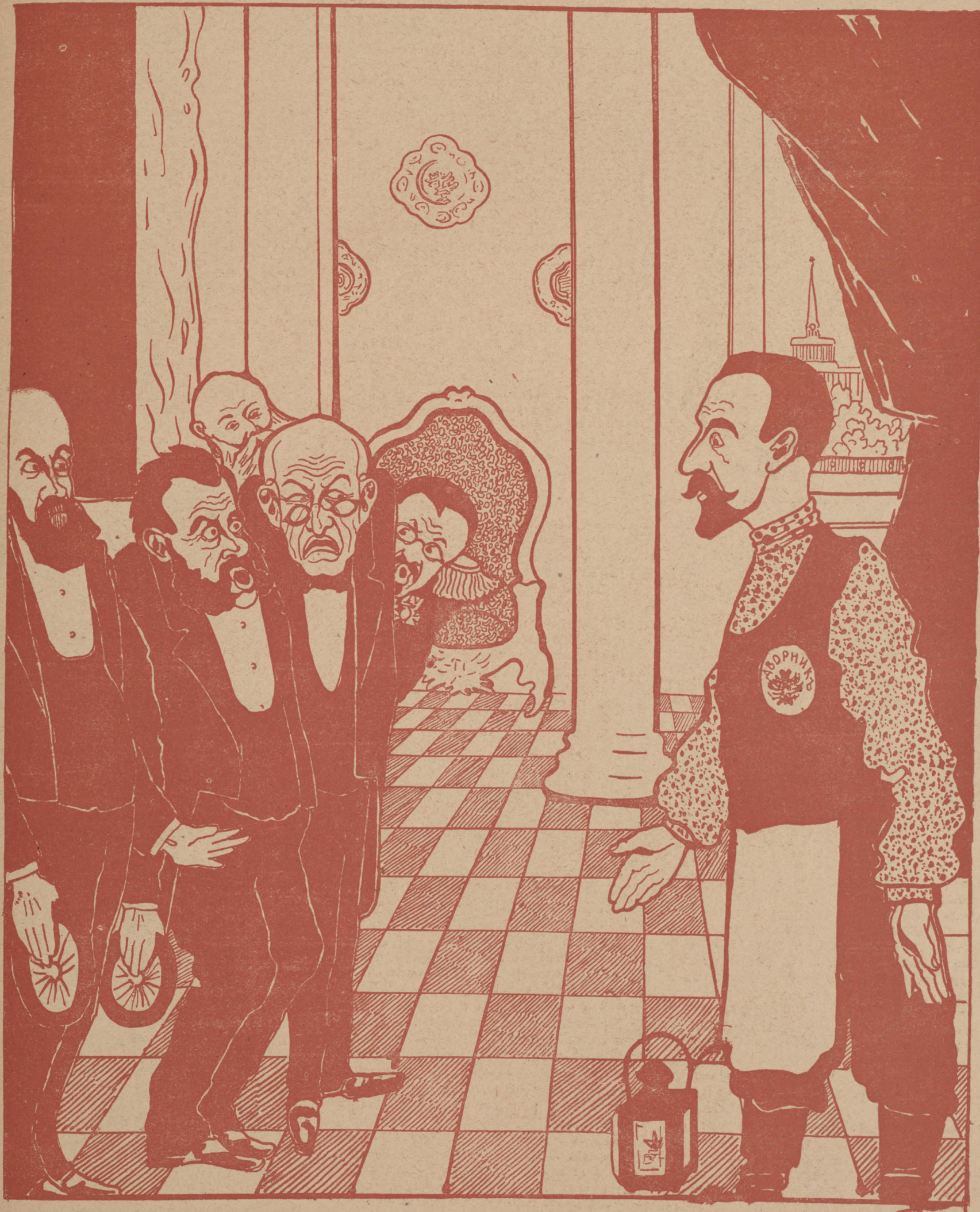
Занавѣсъ.

В. В. Тр—овъ.

Первая ласточка грядущей забастовки.

«Поздравители».

А ты все-таки поклонись!

Иностранное обозрѣніе.

Берлинъ. Мѣстные газеты сообщаютъ слѣдующія подробности о пріемѣ императоромъ Вильгельмомъ остзейской депутаціи: „Висилій Эдгоровичъ Гогенцоллернъ прінялъ депутацію остзейскихъ бароновъ и, выслушавъ ихъ рѣчи, отвѣчалъ милостиво: „Ваше несчастье близко моему сердцу, но я къ сожалѣнію, занятъ въ настоящее время утвержденіемъ германскаго престижа въ Марокко и усмирѣніемъ бушменовъ въ центральной Африкѣ. Слушайте вашихъ русскихъ генераль-адъютантовъ“. Всемиловѣйшій отвѣтъ сей послѣдовалъ на вѣрноподданническую рѣчь главы остзейской депутаціи барона фонъ Шнель-клопсъ: „Ваше Величество, мы, вѣрные идеѣ пангерманизма, владѣтели прибалтійскаго края варварской Россіи, пребывавъ въ оной странѣ, какъ въ покоренной нашими предками—рыцаря тевтонскаго и ливонскаго орденовъ предполагали, исполняя предначертанія пангерманскаго феррейна, честно служить идеѣ гарманизации славянскаго племени, принадлежащаго къ низшей расѣ и едва способнаго воспринять блага нашей нѣмецкой культуры. Русское правительство въ теченіи многихъ лѣтъ покровительствовало намъ и лучшіе умы балтійскихъ интеллигентовъ занимали въ Петербургѣ выдающіеся посты, вліявшіе на всѣ ходы русской жизни. Осмѣливаемся напомнить Вашему Величеству нѣсколько знаменитыхъ въ исторіи именъ: графъ Паленъ, участвовавшій въ убіеніи императора Павла I, баронъ Паленъ, усмирившій въ 1830 году польсколитовскій мятежъ графъ Бенкендорфъ, „утиравшій слезы Россіи“ посредствомъ тайной полиціи и жандармскаго управленія, министръ финансовъ Канкранъ, изобрѣвшій ассигнаціи, фонъ Плеви, о доблестяхъ котораго знаетъ весь міръ, полковникъ Минъ.... Ваше Величество, наши

остзейскія заслуги въ русскомъ отечествѣ неисчислимы. Кто научилъ варваровъ—русскихъ дѣлать изъ солдата машину и драть его шпирутенами кто былъ всегда вѣренъ русскому самодержавію, кто придумалъ департаментъ полиціи, кто вѣрно служилъ въ роли сыщиковъ, губернаторовъ, генералъ-губернаторовъ градоначальниковъ“!

Прочтите, Ваше Величество, списокъ знаменитыхъ дѣятелей недавней и современной Россіи: Грессеръ, фонъ-Валь, Клейгельсъ, Нейдгардтъ, Унтербергеръ, Витте, Штакельбергъ, Рененкампфъ, Виренъ, Стесель, Старкъ... Наши остзейскіе имена блещутъ въ министерствахъ, въ арміи, во флотѣ, въ тайной и явной полиціи и повсюду мы стоимъ на стражѣ монархизма и возвышаемъ Россію... Прискорбно, Ваше Величество, признать, что всѣ усилія наши не привели ни къ чему: русскій народъ безнадеженъ для остзейской культуры, русскіе администраторы распустили глупую и злобную чернь латышей и наши вѣковые, священные замки погибли въ огнѣ мужицкой революціи. Мы были вынуждены бѣжать изъ нашего края, оставить наслѣдіе пращуровъ, мы больше не рассчитываемъ на русско-курляндскую корону и припадаемъ къ твоимъ стопамъ, Императоръ всегерманскій, самодержецъ прусскій». Послѣ высочайшаго пріема депутація имѣла собесѣдованіе съ графомъ Бюловымъ, который сообщилъ конфиденціально: «Императоръ не можетъ общать вамъ ничего, потому что мы сами ожидаемъ со дня на день...» Канцлеръ не договорилъ, но указавъ перстомъ на картъ Познани, а потомъ прибавилъ шепотомъ: «нѣмецкіе рабочіе изучаютъ у русскихъ курсъ всеобщей политической забастовки». Ночью графа Бюлова постигъ призракъ главы латышской революціи, Максима, который заставилъ почтеннаго канцлера подѣ угрозой Браунинга плясать кекъ-уокъ и пѣть латышскую марсельезу. Графъ считаетъ сонъ пророческимъ, тѣмъ болѣе, что наканунѣ какіе-то познанскіе призраки заставили его пѣть «Варшавянку» (С).

Парижъ. Министръ Рувье указалъ французскимъ банкирамъ на отрадное явленіе: несмотря на московскую революцію, русская государственная рента одерживаетъ на биржѣ побѣду. Банкиры покачали головами и спросили: не Пиррова ли эта побѣда! Рувье общалъ снести по телеграфу съ Витте. Русскій премьеръ-министръ отвѣтилъ: «государственный банкъ охотно покупаетъ ренту по высокой цѣнѣ». (С).

Лондонъ. «Daily Telegraph» вновь печатаетъ интервью съ заграничными жожаками русской революціи. Они утверждаютъ, что Витте — великій человѣкъ и противъ его искусной политики они безсильны. (С).

Примѣчаніе редакціи. Историческая справка: Петръ I писалъ своему уполномоченному въ Парижѣ, Конону Зотову—«французскіе и англискіе курантельщики зѣло любятъ ефимки, такъ ты имъ дай, дабы о государствѣ російскомъ незасорно писали».

Берлинъ. Вильгельмъ II, прочитавъ извѣстіе о московскихъ событіяхъ, воскликнулъ: «артиллерія это — все!» и заказалъ немедленно Круппу 1000 одиннадцати-дюймовыхъ мортиръ для обстрѣливанія улицъ Берлина. (С).

Стокгольмъ. Военное судно, проходившее недалеко отъ Финскаго залива, полу-

чило по безпрзволочному телеграфу весьма неразборчивую телеграмму загадочнаго содержанія: «съ натуги лопнула и околѣла». Къ кому или къ чему относятся эти слова остается совершенно неизвѣстнымъ. (С).

Нью-Йоркъ. Нѣкій изобрѣтатель предложилъ русскому правительству купить секретъ постройки воздушныхъ кораблей для перевозки войскъ на мѣста усмирѣнія, независимо отъ желѣзныхъ дорогъ. Совѣтъ министровъ, въ принципѣ находя это предложеніе весьма выгоднымъ, особенно въ виду воздушныхъ полетовъ мостовъ въ Нарвѣ, Твери и Сызрани, занялъ вопросомъ, какъ избѣжать возможной забастовки служащихъ на воздушныхъ корабляхъ. (С).

Вѣна. Международный конгрессъ евреевъ запросилъ по телеграфу предводителя московской черносотенной милиціи, г. Шмакова, имѣетъ ли онъ въ виду еврейскій погромъ въ ближайшемъ будущемъ. Г. Шмаковъ отвѣтилъ: «а сколько вы дадите отступного!» (С).

Ночь подѣ новый годъ

(драматическая поэма)

Дѣйствующія лица:

Реакція—томная дама, дважды перешагнувшая бальзаковскій возрастъ.

Графъ Витте—погубитель ея души, злой измѣнщикъ.

(*Полумракъ. Поэзія. Кушетка, на которой безпокойно спитъ Реакція, размахивая во снѣ костлявыми ручками. Тихо входитъ Витте въ плащъ и наклоняется надъ спящей*).

Египте.

Не спи, проснись, о другъ мой нѣжный,
Твой сонъ больнонь, твой сонъ мятежный
Мятежъ Руси не усмирить.
Онъ лишь отраденъ для эсъ-эра,
Онъ непонятенъ для премьера,
Его соратниковъ страшить.
Эсъ-де, эсъ-эры и ка-деты
Еще сильны, мой нѣжный другъ,
Листки, журналы и газеты
Еще таятъ крамольный духъ!
И для спасенія Россіи.
Повѣрь мнѣ, ангелъ мой земной,
Нельзя, нельзя склонять намъ голъ
Предѣ назрѣвающей грозой.

Надъ старинною столицей
Средь дымящихся руинъ
Грозно рѣетъ черной птицей
Рыцарь крови, храбрый Минъ.
Средь разрушенныхъ строеній,
Не страшась ничьей руки,
Бродятъ тихо, словно тѣни
Наряженные «шпики».
Въ часъ томительный безсилія
Ты о нихъ не позабудь,
Помни: эта камарилья
Можетъ выдать какъ-нибудь.

Лишь только ночи мракъ туманный
Обниметъ сонный Петроградъ,
Лишь только бодро хулиганы
На совѣщанье поспѣшатъ,
Къ тебѣ я стану прилетать,
Гостить я буду до денницы
И на шелковыя рѣсницы
Лучи надежды навѣвать.

Реакція (только, просытаясь).

О, милый мой, оставь упреки,
Свою голубку не брани...

Я плачу... Видишь слезъ потоки,
Уже не первые они.
Прости. Не буду больше спать я,
Твои совѣты сохраняя,
Лишь распахни свои объятъя,
Мой другъ, пошире для меня.
Пойми, мой милый, мой желанный,
Опять въ больной душѣ моей
Печаль на днѣ старинной раны
Зашевелилася, какъ змѣй.
И мнится, что меня ты снова
Покинешь для пустого слага,
Что вновь разлучница свобода
Прельститъ, мой другъ, твои мечты,
И предъ лицомъ всего народа
Свободѣ вновь отдашься ты.

(притѣльно)

Послушай: отъ былыхъ мечтаній
Отречься нынѣ дай обѣтъ!
Ужель ни клятвъ ни обѣщаній,
Ненарушимыхъ больше нѣтъ?

Витте.

Кланусь днемъ первымъ манифеста,
Кланусь его послѣднимъ днемъ,
Кланусь возможностью ареста
Хотя бы явочнымъ путемъ.
Кланусь я Миномъ адъютантомъ,
Военной доблестью солдатъ,
Кланусь Дубасова талантомъ
И сокрушеніемъ баррикадъ.
Кланусь портсмутскою побѣдой,
Кланусь японскою войной,
Кланусь своимъ гражданскимъ credo,
Своею меркнувшей звѣздой.
Отъ дерзновенныхъ упованій
Отречься симъ даю обѣтъ.
Отнынѣ силой твердой длани
Я усмирю крамольный бредъ.
Я изведу въ конецъ крамолу,
Я обращу ее во прахъ
Давъ мощь и силу произволу
Тебѣ на славу, ей на страхъ.
И для твоей воздвигну славы
Изъ груды труповъ и костей
Чертогъ роскошный, величавый,
Окровавленный мавзолеей.
Волной кровавой бурной съчи
Твой станъ, какъ лентой, обовью,
Раскатомъ пушекъ и картечи
Окрестный воздухъ напою.
И у банкира Мендельсона,
Душой еврея возлюбю,
Подъ грохотъ пуль, два милліона
Займу, родная, для тебя.
Я опущусь на дно морское,
И воспарю я къ вышинѣ,
И дамъ тебѣ все, все земное,
Отдайся мнѣ, отдайся мнѣ.

Передъ старухой на колѣни
Графъ опускается сѣдой...
И все темнѣй, все гуще тѣни
Свиваясь рѣютъ надъ четой.
Но сквозь оконныя гардины
Угрюмый видимъ небосводъ,
Какъ бы предвѣстникъ злой картины
Что имъ сулитъ грядущій годъ.

Вилли.

Официальное донесеніе

(побѣдителя латышской республики).

Вамъ счастливъ донести: доволенъ я со-
бой...
Съ утра еще вступивъ въ артиллерійскій
бой,

Мнѣ удалось уже къ обѣду
Сорвать блестящую побѣду...
Я покорилъ возставшихъ латышей,
Повсюду баррикадъ настроилъ и траншей;
Враговъ разсѣялъ безъ урона
Отрядъ въ четыре эскадрона...
Въ бою близъ Пернова двѣ сотни полегло,
Намъ счастье, конечно, въ дѣлѣ помогло,—
А также то, что набралось едва
Враговъ воинственныхъ—десятка два!
Т—овъ.

Боевая пѣсня.

Отъ утра до утра,
Подъ напѣвы ядра,
И подъ громъ боевой канонады,
Съ нашимъ старымъ врагомъ
Бой упорный ведемъ,
И, какъ въ сказкѣ, растугъ баррикады!
Невеликъ нашъ отрядъ—
У нихъ больше солдатъ,—
Но у насъ—единеніе и сила!
За свободу, любовь,
Мы прольемъ свою кровь,
И за нихъ—хоть въ сырую могилу,
Пусть ликующей врагъ,
Развивая свой флагъ,
На насъ пушки тяжелыя двинулъ,
Но въ потокахъ крови
Свѣтлый образъ любви
Насъ ни разу еще не покинулъ!
Если первый падетъ,
То на смѣну придетъ
Ему новый борецъ за свободу!
Презираемъ—мы страхъ,
И несемъ на плечахъ
Свѣтлый миръ трудовому народу!

М. Ольшанскій.

Слово на Новый годъ.

Митрополита Владиміра, сказанное на красной площади.

«Помыслить дни ара-
чеевскія и лѣта плевскія
помянухъ, и поучахся!..
(Кн. казней 5. 15).

Мы вступаемъ, истинно русскіе братья, въ
новое лѣто. Итакъ: Духъ Плеве еще благово-
литъ сказывать милость свою надъ нами. И сколько
новыхъ благодѣяній и его ставленниковъ пріяли
мы въ минувшее лѣто! Духъ его сохранилъ
поколебленное самодержавіе среди окружающаго
тѣннаго свободомыслія и всеобщаго невѣ-
рія въ истинно русскія основы. Онъ даровалъ
намъ, себя достойныхъ угнетателей враговъ: со-
правителей Дурново, Витте, Дубасія сухоморца,
Сахарова розгоносца, пріятнаго мученическую
смерть и плеяду другихъ. Они, помятуя завѣтъ
сего святого казнѣвца, усѣяли всю Русь тѣ-
лами супостатовъ свободолюбивыхъ, а въ перво-
престольной на островѣ труповъ разноцвѣтный
флагъ водрузили. Не видимъ ли мы, о братія, въ

семь только руку благоутробнаго Вѣчества,
отѣмлющаго всякія мерзкія свѣды у нечестив-
цевъ, дабы возбудить въ нихъ духъ смиренія и
покорности. Не въ правѣ ли мы ожидать въ гя-
дущее лѣто богатой жатвы, отъ земли русской,
удобренной потоками крови и тѣлѣ зломысля-
щихъ твердой власти? Итакъ, о истинные хри-
стіане, обращая взоръ свой къ началу новаго
лѣта не зримъ на словеса: мани, факель, фаресъ
а воскликнемъ съ благодареніемъ: благослови
душа моя, начальство, творящее завѣтъ перво-
крушителя свободы. Аминь

Со сказаннымъ вѣрно
Нео—Сильестеръ.

Новыя народныя пословицы.

1. Съ министромъ карета—дурная при-
мѣта.
2. Дубасовъ адмиралъ—сухопутно ко-
вырять.
3. Куда Витте съ копытомъ—туда и
Дурново съ клешней.
4. На зимняго Николу—прячь револь-
веръ подъ полу.
5. Было бы корыто—министры най-
дутся!
- 5 Войска въ дверь—а рабочіе въ Тверь.

Хроника.

По словамъ московскихъ газетъ, адмиралъ
Дубасовъ увѣряетъ, что онъ не отдавалъ прика-
занія стрѣлять изъ пушекъ Пушки сами стрѣ-
ляли.

Въ Москвѣ черносотенная милиція устраиваетъ
дешевую предпраздничную распродажу рожде-
ственныхскихъ подарковъ. По этому случаю адми-
раломъ Дубасовымъ, получившимъ изъ Петер-
бурга чрезвычайныя полномочія, временно отмѣ-
нена статья уголовного уложенія, касающаяся
продажи завѣдомо краденныхъ вещей.

Делегаты русскаго Почтово-телеграфнаго союза,
явившись къ министру внутреннихъ дѣлъ, обра-
тились съ запросомъ: гдѣ находятся 60.000 фран-
ковъ, присланныхъ французскимъ почтово-теле-
графнымъ союзомъ для помощи забастовщикамъ.
Г. Дурново отвѣтилъ делегатамъ совершенно не-
понятною фразой «Видалъ-миндаль» и, побряки-
вая золотыми двадцати-франковиками, удалился
изъ пріемной. Этотъ случай вызвалъ въ городѣ
всевозможные толки о состояніи здоровья г. Дур-
ново.

Отъ Редакціи.

Вслѣдствіе появившейся въ № 1 «Буре-
лома», въ отдѣлѣ хроники, замѣтки отно-
сительно «обновленія» газеты «Новости» и
ея новыхъ сотрудниковъ, Б. П. Бурдесъ
проситъ насъ напечатать, что онъ ника-
кого участія въ названной газетѣ не при-
нимаетъ.

